

Ольга Бешенковская

Как живописен писающий мальчик:
Живой амурчик, парковый фонтанчик,
Невинно-золотистая дуга...
А девочка на корточках - лягушкой, -
И так не к месту бантик ~~надминающим~~ макушкой...
Но вдруг вспорхнет - и бабочка Дега...

А мальчик обрастет унылой шерстью,
И голос кукарекнет на нашесте
Цыплячей шеи...

Катится река -
Живая жизнь... И вся, до капли, - тема!
И аденома в ней как хризантема
Звучит, забыв, что мучит старика...

Раощепляется "Я" на щепотки и щепки,
Бесконечны частицы - чаинки тоски...
Раскричавшийся хор одинаковой лепки,
Как грачи - синеву, мне ломает виски.
"Я" - чихай на судьбу, "Я" - читай о высоком,
И зловещий свистящий ночной шепоток:
"Мойте руки живым человеческим соком,
Вот - колбасный кинжал, вон - слепящий платок"...
Электрический вы сверк, химический шорох, -
Что еще там в глухих закоулках коры?
Расцветут ли тюльпаны в открывшихся порах
Или два санитара в финале игры?..
Распоясались "Я": то - сзывает под знамя,

Это — тащит в кабак, те — сквозь сито мукой...
И теряешь сознанье — сквозь сонное знанье,
Перепутав приемный и вечный покой...

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Л.Л.Левиной

"Меж тем как пыльные громады
унывной прозы и стихов
напрасно ждут себе чтецов..."

/А.С.Пушкин, Спб., 1884/

- Кого продаете?
- Кого и всегда...
- И что ж, покупают?
- Вот это и странно...

Наверно, и ~~правду~~, Марина и Анна
народу не в корм, неживая вода...

- Марина и Анна — вчерашние дни...
- Не больше, чем Белла и суэтный Женя,
себя возомнивший российским женъ-шенем...

В России ещё не настали они...

- Вот это и страшно, что Блок — не настал...
- А что покупатель судачит о Бродском?

- Да он ещё слушает звон о Высоцком
И ставит Асадова на пьедестал...

- А всё говорят, что стихи не идут...
- Идут — у поэтов, по-прежнему, — горлом...
- Не дальше горлита...

Осиновым колом —
заслуженный памятник проданным тут...

- А как же реклама?
- Она на лице:
Каков самородок — тройной подбородок,
он сам по себе говорит о конце

Поэзии русской;

Не хватит и лодок

На Стиксе, — 400 членов СП

Нависших над Музой в законном экстазе

В одном Ленинграде...

Поклонимся фразе.

Любой. Гениальной самой по себе!

Век птицы в кастрюле и кошки в мешке —

И вдруг, как в начале, послышится Слово...

— А ты-то выходишь?..

— С подножки былого

Невзрачною тенью в неслышной тоске...

— Оставить полсотни?

— Останутся все...

— Увидишь, раскупят!

— Дай Бог, не увижу...

Публичный успех на пупочную грыжу

Меняю, Пегаса — на эрос в овсе...

— Но есть и читатель!

— И пчёлам — не мёд,

И трутню — не труд,

И поэт в переплавке

Обрящет свободу лежать на прилавке

Не куплен, не продан, ни жив и не мёртв...

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БИБЛИЮ...

Это мы-то творцы?

Безнадежные сводники слов,

Алкоголики снов и жрецы золотой эйфории...

Оркестровый сентябрь торжествует превыше голов,

Но латунь как латынь — к ликование приговорили.

Взбаламутить лазурь, — что ещё на крючке карасю...

Утопить свою желчь — в желтизне, пораженье — в мажоре, —

Вот он, сверхреализм, без ужимок салонного "сю":
Разворзается шtrek и пылаю зрачки как мозоли...
Это мы-то творцы? -

Продолбившие шахты ночей
Аритмией сердец... Каторжане, которых не ловят.
Но куда убежишь от прожорливых этих печей,
Если каждый листок - на осеннем ветру - Монгедовид...
Если каждая ветвь, распрыгнувшись в ослепительный рост,
Осеняет как миф, и трепещет материя духа;
И безумная мысль подрывает Валлопиев мост,
В темноте показавшись клочком перелетного пуха...
И качнется земля как нарядный пасхальный кулич,
И над воском садов деревянные руки расправишь,
И - плашмя полетишь... Не успев обрести и постичь
Триединства любви, распространяющей от кладбищ до клавиш...
Это мы-то творцы?

Мастера, усмехнусь, мастера,
Сторговавшись с Хароном, кататься туда - и обратно,
Где в юдоли ржаной плодородна любая дыра
И сквозь пористый свет - васильки проступают как трупные
пятна...

• • •

Когда босые по росе
Ступают кони из тумана,
Коснись, библейский экстрасенс,
Угрюмой язвы Вассермана, -
И гной засахарится в мёд,
И расцветет на биополе
Гвоздика...

Примет - как поймет
Чернь, побелевшая от боли,
Любую милость с высоты

Как свысока, — на то и чудо...
...Лишь пару тысяч лет — и ты
Мудрей, чем Понтий и Иуда:
Теперь в провинции любой —
Твой дом, как в тихом Назарете
/Сентиментальная любовь
В неисцелимом лазарете.../
Узри, последний гуманист,
Как наша участь безголоса,
Как вразумляет ветхий лист
Планету с кариесом носа...
Толпа, лишенная крыла,
Ползёт, одежды рвя и воя,
Бить языком в колокола
И в гулкий кафель — головою...
• • •

Ни живого огня у печи и свечи,
Ни чернильной томительной влаги...
И как дева Мария уныло пречист
Светлый лик одинокой бумаги.
Как ты выжило, Слово, до наших имён,
Еле слышных в плебейском разврате,
Где публичная Муза сосет микрофон,
Пьяный Каин рыдает о брате...
Так чудовищно сбылся обещанный хам, —
Как не верить насчет остального...
Ничего не добавишь к библейским стихам
Кроме тихого вздоха ночного...
Полустертого между "прощай" и "прости"
Полушепота, рвущего связки!
Кроме хруста бессонницы в лобной кости
Отмирающе-лунной окраски...

МОИ СОВРЕМЕННИКИ

/венок сонетов/

Летучих рифм целительные жала
И тоньше, и изысканнее яд.
Но вся Россия пела Окуджаву,
А что ей Шварц, Кривулин или я?..
Что ей с того, что слёз изящны блестки,
Что изрщен творительный падеж...
Не рождество у ёлочек кремлевских,
А лишь реанимация надежд,
И слишком поздно, - век затихнет скоро...
И каждый, за свою схватившись боль,
Поймет: не сор мы - сон, мы сонм и город,
Но не Россия ... Призрачная роль...

О нас напишут, ведаю заране:
"Бескровны жизнь и смерть на поле брани."

2.

Бескровны жизнь и смерть на поле брани
Бездарностей... Есть способ удавить
Ещё верней: похоронить заране,
Из поля зренья жестом удалить:
Кого бранить? - Кто помнит имена их?..
Всех иоглотила чёрная дыра...
А те, что всё же слышали и знают, -
Иудин доллар ждут из-за бугра...

Нет, не валюта - валидол в аптеке -
Наш гонорар... Несносен наш союз.
Но в Эрмитаже и в библиотеке
Слагался он под сенью грустных муз...

Жрецы искусств, а пили в ресторане, —
О нас напишут, — ведаю заране...

3.

О нас напишут, ведаю заране,
Немало всякой горькой чепухи...
А правда в том, что мы не на экране,
Не на трибуне верили в стихи;
Не в кассе — сумма прописью — за веру...
... Через решетки слушая синиц,
Мы, эллины, привыкли к интерьеру
Котельных и смирительных больниц...
Спасая мир от мнимой катастрофы
Кто там крадется тенью по стене? —
Держись, Олег /за что ж ещё? — за строфы.../
Привет Сереже. Помни обо мне...

Мы сон и сонм, — откуда ж эта боль?
Но не Россия... Призрачная роль.

5.

Но не Россия — призрачная роль
Постигла нас, — как всех, кто похоронен...
~~Л~~естим на спиритический пароль
Пугая холодком потусторонним
Вертевших стол...

Игнатова? — Нет, тень...
— А где сама? ~~Всююши~~ Вестимо, за границей?
— Да, ваших свар...

А вам на скучный день —
Явление поэта за страницей...
Мы где-то там, где нет границ и лет,
Простите нас, что мы не вездесуши,
И что о вашей жизни на земле
Так мало знаем, — занавес опущен...

И кто-нибудь, рванувший тесный ворот,
Поймет: не сор мы — сон, мы сонм и город.

5.

Поймет: не сор мы — сон, мы сонм и город.
Как долог общий памятник — гранит...
Ты Стикс, Нева,... Здесь каждый был и порот,
И счастлив в детском хоре аонид.
Трезв Ширали, Кривулин безбородый
Уже пророк, но чуда — не конца...
Мы шли в народ, и в нас была порода,
Быть может, от небесного отца...
И кое-что от Глеба и Давида...
Ты Стикс, Нева, но грех — не без родства...
Блажен, кто знал: нам тесен мир Эвклида
Был с первых строк, с ночного озорства.

Кто виноват, что в снег вкрутилась моль..
И каждый, за свою схватившись боль...

6.

И каждый, за свою схватившись боль,
Не слышит даже стонущего рядом.
И корчится. И сыпет в рану соль.
И соты мозга наполняет ядом.
Да, пессимизм, да, эгоизм. Да, так.
Кто не бессмертен — тот не безупречен,
О чём и стонем...

А больничный мак —

На белизне — как там, на Черной речке...
Дантес — француз, а нас — не чужаки...
/Что из того, что Аранzon — не Пушкин.../
О, как улыбки щерили клыки
В незнавших, что приблизились к кормушкам...

Давно ясна причина приговора,
Но слишком поздно: век затихнет скоро...

7.

Но слишком поздно: век затихнет скоро,
Скользнут на дно медузы метастаз...
Не мы его надежда и опора,
Не мы ему предстанем в смертный час.
И нам — не он: воинственный, хвастливый,
Забывчивый... Но счеты ни при чем.
Он тоже был доверчивый, счастливый;
И столь же глух. И также обречен.
Хвала ему, что лось берет мякину
Из рук ребенка, что не всё — металл,
Что Королев Гагарина закинул
Туда, где миф младенцем пролетал...

Нет синевы синей прощальных вежд...
И лишь реанимация надежд...

8.

Аминь, реанимация надежд, —
Здесь о венок споткнется неотложка...
Осколки ампул. Карканье невежд.
В снегу слепящем — детская галошка...
Ну вот и всё, сердца сгорели, в нас
Остался только пепел, — Это Дудин
О той, где выжил...

Нет, не на Парнас,
На южное, — туда подъем нетруден.
Объедем город праздник задарма...
Не унывайте, сфинксы и атланты!
Как хорошо, что все-таки зима,
И в желтых окнах — юные таланты!

Пусть щеголяют в логоса обносках —
Не Рождество у ёлочек кремлёвских...

9.

Не Рождество у ёлочек кремлевских:
Комки об крышку - круглые слова...
Мы будем снова в тихих отголосках
На Троицу, когда взойдет трава.
Что опыт ваш... Мы - Клио пережили...
Ценили хлеб, - блокадники культуры...
И не стоянки - Музу сторожили
От наглецов с набором партитур.
И не спасли, - забылись сном мертвцким.
Рассудит Бог - судьба или вина...
Да, вы - с фашизмом, с варварством немецким,
А с вашим - мы! Священная война...
Что сытым вам, в тщеславии одежд,
Что изощрен творительный падеж...

10.

Что изощрен творительный падеж
Уже ежу и критику понятно, -
Алле, творец, извольте на манеж!
Лицо - под грим, в бессонницах помято.
Земля кругла, и запах цирковой...
Да нет, увольте, трупы - не паяцы.
И Мандельштам качает головой
Под колпаком приученой бояться...
Умнейте, перестраивайте строй,
Для вас иконы наши - не помеха,
И нас уж нет...

На первый и второй -
Вся перестройка... Цирк знобит от смеха!

Россия... Рожь... Сиротские полоски...
Что ей с того, что слез изящны блёстки...

II.

Что ей с того, что слёз изящны блестки,
Что мы как боги знаем ремесло;
А ей нужны горшки, и не березки,
А доски, Дождь. И ноево весло.
Как дышит склон морщинистый, пологий,
Но дышит, но вздыхается к весне!
Зачем вдове профессор патологий?
Живой мужик — и счастлива вполне.
Мы Фрейда с детской робостью просили,
Нас обжигали Гегель и псалмы.
И хоть в "Сайгоне" пили, но Россию
/на книгу — руку/ — пропили не мы...

Вот потянулась... Ищет соловья...
А что ей Шварц, Кривулин или я?

I2.

А что ей Шварц, Кривулин или я,
Пудовкина, Охапкин, Куприянов,
Миронов... Каждый сам себе семья,
Сосуд пороков и певец изъянов...
Что ж, каждому свое... Ворота в ад
И мне маячат... Если станет страшно —
Шприц, морфий, — и нахлынет Ленинград;
Наш нищий рай, наш черстый снег вчерашний,
Воспетый /нынче шамкать и молчать/
До всех святынь, искривленных в каналах.
И если вас отметила печать,
Нас — дерево декабрьское в кораллах.

И веший кот на крышке бака ржалой...
Но вся Россия пела Окуджаву...

I3.

Но вся Россия пела Окуджаву,

Высоцкого, запретам вопреки.
Хрипела страсть, будящая державу,
Вздыхал Булат — смолкали остряки...
Есть голос крови. Голос поколенья.
И всплющий глас. И голоса...
Мне голос был: поэты как поленья
Трещат в печи, а истина боса.
Кто горемычней — значит ли — мудрее?
Пусть этот вял, а тот — вторично лих, —
Скажу, вздохнув, как Белла про Андрея:
А я люблю товарищей моих... .

В плену харид, в компании наяд
И тоньше, и изысканнее яд... .

I4.

И тоньше, и изысканнее яд,
Изкуснее пчелиное барокко
... О, Летний сад, безлюдный летний сад,
Ты так притих, как будто ждешь пророка... .
Мы — тени тех, самих себя, прости... .
Плюсквамперфект уютней чем футурум.
Хотя бы мрамор вылечи, срасти,
Не подпускай безбожников к скульптурам!
Мелеет лоб — как не было чела... .
И не от крыльев колет под лопatkой.
А надо мной вальсирует пчела —
Нашла цветочек с родственной повадкой... .

И сжалась жизнь. И сжавшись не сдержала
Летучих рифм целительные жала... .

.....